

тив же авторства Смба́та Спарапета, по мнению исследователя, свидетельствует язык рукописи, слишком классический для эпохи Смба́та и отличающийся от лексики его сочинений юридического характера. Отсюда Дедеян пытается найти автора, принадлежавшего к роду Хегумидов, жившего в эпоху Смба́та, знавшего французский, латинский и греческий языки и бывшего клириком, ибо, как он полагает, труд не мог быть написан светским лицом. А так как венецианская рукопись была создана между 1280—1315 гг., по-видимому, в королевской канцелярии, а канцлером в это время был брат Смба́та, настоятель Дразарка и архиепископ Сиса Барсег-Васил, умерший в 1275 г., то именно ему склонен приписать Дедеян авторство про странной редакции.

Данная гипотеза, к сожалению, не более аргументированна, нежели традиционное признание авторства Смба́та Спарапета. И первая и вторая основаны на анализе существующих редакций. Отсюда, на наш взгляд, точка зрения Дедеяна, гипотетичность которой он сам оговаривает, имеет право на существование лишь в качестве таковой наряду с традицией, приписывающей авторство «Хроники» Смба́ту. На наш взгляд, отмечая «излишнюю» классичность языка венецианской рукописи и отказывая в основном поэтому в авторстве Смба́ту, исследователь не учитывает традицию, по которой армянские исторические сочинения, начиная с труда Мовсеса Хоренаци и кончая Маттэосом Урхайеци и Григором Ерэци, как произведения почитаемого жанра писались преимущественно на гребне. Следует учесть также, что обе редакции «Хроники» в своей значительной части (венецианская — на две трети) являются переложением «Хронографии» Маттэоса Урхайеци и его продолжателя Григора Ерэци. Уже поэтому продолжатель их труда был связан с необходимостью не только продолжить их труд, прерванный на описании событий 1164 г., но и сохранить единообразие языка и до известной степени — стиля. Известной параллелью этому является труд самого Маттэоса Урхайеци. До находки и публикации Л. С. Хачикяном фрагментов утраченной хроники Акопа Санаинеци вряд ли кто предполагал, что те же две трети «Хронографии» Урхайеци являются переложением, если не оригиналом, труда его предшественника, умершего в 1085 г. Однако и сейчас, имея об этом некоторое представление, вряд ли возможно без детального исследования выявить лексические стыки трудов Акопа и Маттэоса, написанных

все на том же, более или менее приближающемся к классическому гребню языку. Что же касается «Хроники» Смба́та Спарапета, то вряд ли примерно сравнить ее по лексике с принадлежащими Смба́ту произведениями юридического плана. И «Судебник», и перевод «Ассиз Антиохии» создавались как руководства в судопроизводстве и уже поэтому были рассчитаны на широкие слои населения Киликии и писались на близком к разговорному языку.

Поэтому традиция, приписывающая авторство «Хроники» Смба́ту, сохраняет свое значение, тем более что ряд пассажей источника действительно написан от имени Смба́та Спарапета.

В заключительных параграфах введения Дедеян рассматривает сумму фактов, содержащихся в источнике, отмечая оригинальность его второй части, посвященной событиям 1165—1272 гг. и дающей уникальные данные по истории международных отношений на Ближнем Востоке в данный период. Исследователь полагает, что автор «Хроники» был знаком как с трудами «франкских историков» — Гийома Тирского и его продолжателей, так и с греческими и сирийскими источниками, в частности с «Хроникой» Михаила Сирийца, в целом находясь в русле армянской историографии.

Собственно перевод, снабженный подробнейшим историческим и географическим комментарием с привлечением практически всех параллельных источников, сделан на основе второй части «Хроники». Значительный интерес представляет описание киликийского похода Мануила I Комнина в 1160 г. (с. 45—58), его переговоров с католикосом Нерсесом Шнорали (с. 52), сражения при Мирюкефале (с. 56), Третьего крестового похода (с. 65—67), отношений Киликийского армянского царства с Антиохийским княжеством (с. 57—58, 65, 71—72, 84—85, 89—90 и т. д.), Румским султанатом.

Некоторые погрешности перевода, связанные с употреблением исследователем ряда французских синонимов для адекватного воспроизведения одного армянского понятия, отмеченные в рецензии Х. Г. Маргаряна и А. А. Бозояна⁵, не снижают ценности данной публикации, вводящей в научный оборот первоклассный источник по истории стран Ближнего Востока, значение которого для исследования международных отношений в данном регионе в XII—XIII вв. трудно переоценить.

В. П. Степаненко

⁵ См.: ИФЖ, 1981, 2, с. 286.

Warren T. Treadgold. *The Nature of the Bibliotheca of Photius*. Washington, 1980 (Dumbarton Oaks Studies), 206 p.

Появление критических изданий всегда возбуждает новый интерес к публикуемым текстам и стимулирует их изучение. Не успела выйти из печати «Библиотека» Фотия¹, а уже появляется книга, ей

посвященная. Новое исследование не может не привлечь к себе внимания.

¹ *Photius. Bibliothèque* / Ed. R. Henry. P., 1959—1977, 8 vols.

Во-первых, оно написано о самом значительном и оригинальном произведении литературно-критической мысли Византии. Во-вторых, необычный для остроумных византиноведов заголовок — «Природа „Библиотеки“ Фотия» — обещает не исследование деталей и частных, а рассмотрение кардинальных и ключевых вопросов. В предисловии к книге У. Тредголд справедливо пишет: «„Библиотека“ не относится к какому-либо определенному литературному жанру. В ряде отношений она напоминает и историю литературы, и литературную автобиографию, и литературную критику, и антологию, и аннотированную библиографию, и библиотечный каталог, и записную книжку исследователя. Но она ни то, ни другое, ни третье. „Библиотека“ — скорее не слишком аккуратное сочетание различных элементов, к тому же по-разному составленное. Таким образом, адекватное объяснение природы „Библиотеки“ должно базироваться на серии объяснений того, как был образован каждый элемент и как было составлено целое» (с. VII).

И У. Тредголд действительно предлагает серию объяснений, затрагивая обширный круг вопросов; все они, однако, по сути дела, сводятся к одной проблеме: как и при каких обстоятельствах могло появиться столь громоздкое и странное литературное сооружение, как Фотиева «Библиотека»².

Основная трудность при решении этой задачи заключается в том, что никаких прямых указаний (помимо нескольких замечаний самого автора в «предисловии» и «послесловии» к сочинению) о времени, условиях и методе его работы до нас не дошло. Насколько сложна была бы задача восстановления литературной истории создания, скажем, «Фауста» или «Евгения Онегина», если бы в руках исследователей не было бы ни писем, ни дневников Гете и Пушкина, ни сообщений их современников! Единственно надежное свидетельство — сама «Библиотека», единственно возможный путь исследования — изучение ее текста. У. Тредголд не первый идет по этому пути, но в отличие от большинства своих предшественников делает выводы не на основании изучения отдельных кодексов, а привлекая материал произведения в целом. В этом новизна подхода и метода его исследования. Все частные исследования Тредголда «работают» на его концепцию. Для того чтобы понять ее суть, нужно последовать за рассуждениями автора книги.

«Библиотека» начинается предисловием и заканчивается послесловием, обращенными к брату Фотия Тарасию. Последний якобы попросил составить для него изложения содержания (ὑποθέσεις) книг, прочитанных в его отсутствие. Непосредственный повод для просьбы — предстоящий отъезд Фотия в составе византийского посольства к «ассирийцам». Таким образом, все содержание «Библиотеки» оказывается как бы включенным в состав огромного письма, занимающего 8 томов современного издания. Хотя ряд исследователей и склонен видеть в этой эпистолярной форме литературную фикцию, тем не менее «писателю следует верить, если нет основательной причины этого не делать» (с. 20). Как известно, образованных византийцев нередко отправляли в посольства; у Фотия действительно был брат по имени Тарасий, которому было направлено 13 других сохранившихся писем, а в основном тексте «Библиотеки» Фотий 29 раз обращается к нему во втором лице. Хороший писец мог за день заполнить текстом 15—18 листов рукописи, «Библиотека» содержит примерно пять сотен листов, таким образом, Фотию достаточно было немногим более месяца напряженной работы, чтобы продиктовать секретарю все сочинение.

Если эпистолярная форма не фикция, а реальность, то для определения даты написания произведения достаточно выяснить, что за посольство к «ассирийцам» имел в виду Фотий.

Между 843 (конец правления Феофила) и 858 гг. (начало первого патриаршества Фотия) имели место два зафиксированных источниками посольства византийцев на Восток: в 845 и 855 гг. Первая дата, сообщенная арабским историком Табари представляется более вероятной³. Если эта дата верна, то в распоряжении Фотия должно было оказаться для составления «Библиотеки» менее двух месяцев — время между назначением его в посольство и отправлением посольства из Константинополя (гл. 2: «Обстоятельства и время составления»). Два месяца для написания такого колоссального сочинения — срок ничтожный, и вся «Библиотека» носит следы невероятной спешки. Прежде всего вторая половина произведения (кодексы 234—280) заметно отличается от первой. В ней нет обращений во втором лице к Тарасию, весьма редки заявления от первого лица, почти полностью отсутствуют обычные ранее оценки стиля и содержания реферируемых сочи-

² У. Тредголд оговаривается, что проблемы «стилистической критики», т. е. эстетических критериев Фотия, остаются вне поля зрения, поскольку им посвящены исследования Е. Орта и Г. Кустаса; см.: *Orth E. Photiana*. Lpz, 1928; *Idem. Die Stilkritik des Photios*. Leipzig, 1929; *Kustas G. The Literary Criticism of Photius. A Christian Definition of Style*. — *Ἑλληνικά*, 1962, 17.

³ Предложенную Ф. Алкэном и поддержанную К. Манго датировку «Библиотеки» после 875 г. (*Halkin F. La date de composition de la Bibliothèque remise en question*. — *Anal. Boll.*, 1963, 81, p. 414 suiv.) У. Тредголд отвергает, поскольку не согласен с главным аргументом названных ученых, что кодекс 252 (Житие св. Григория) является изложением сохранившегося греческого жития — перевода латинской версии, составленной между 873 и 875 гг.

нений, зато несравненно чаще встречаются дословные выписки из них. Все эти особенности были замечены ранее, но между собой не сопоставлены и почти вовсе не объяснены. Между тем вероятное объяснение заключается в том, что находящийся в дейтноте писатель прекратил диктовать текст «Библиотеки» секретарю и просто-напросто вручил ему свои выписки из ранее прочитанных произведений, ввел в начале каждого из кодексов механически прибавлять ἀνεγνώσθη («прочитал»). Следы «механической» работы секретаря остались в текстах, где помета ἀνεγνώσθη оказывается явно не на месте (например, в кодексе 248) (гл. 3: «Вторая часть — кодексы 234—280»).

Итак, первую половину «Библиотеки» Фотий диктовал сам, вторую предоставил составлять секретарю (наличие последнего засвидетельствовано самим Фотием в предисловии). Но каковы, помимо самих реферлируемых произведений, источники Фотия, особенно его биографических данных о писателях? Еще в конце прошлого века Г. Вентцель постулировал существование не дошедшего до нас словаря «эпитоматора Гесихия», составленного, видимо, в 843—845 гг. Игнатием Диаконом, который в алфавитном порядке располагал статьи о «знаменитых ученых людях» и при этом сведения об античных авторах брал из Гесихия Милетского, а о христианских — из «Софрония» (греческий перевод сочинения Иеронима «De viris illustribus»). Хотя сам «Эпитоматор Гесихия» не сохранился, но о его содержании мы можем судить, во-первых, по словарю Суды, использовавшего его, во-вторых, по дошедшему до нас «Софронию». Предполагаемый «Эпитоматор Гесихия» обнаруживает много сходства с заметками Фотия. Хотя проделанную Фотием работу и трудно назвать исследованием в собственном смысле слова, в использовании сведений «Эпитоматора Гесихия» он проявляет определенную оригинальность. Кое-какие данные Фотий мог почерпнуть и в самих реферлируемых сочинениях, схолиях к ним и других прочитанных и отреферированных им произведениях (гл. 4: «Биографические очерки»).

Следы спешки видны не только во второй, но и в первой половине «Библиотеки» и особенно проявляются в многочисленных ошибках и пропусках Фотия. Им посвящена специальная пятая глава исследования («Ошибки и пропуски»). Иногда ошибки происходят от неправильных умозаключений Фотия, иногда объясняются простой небрежностью, иногда — следствием lapsus memoriae самонадеянно полагающегося на свою память автора, не имеющего к тому же времени обратиться к источникам. Иные из ошибок — результат «недопонимания» между Фотием и его секретарем. Что касается пропусков, то они в большинстве своем сознательно сделаны автором, пожелавшим навести точные справки, но так и оставившим их незаполненными (Фотий спешит!). Таким образом, «ошибки и пропуски» дают возможность восстано-

вить в самом, конечно, общем виде методы работы Фотия над «Библиотекой».

Уточнению этих методов служит следующая глава («Описания текстов»). Здесь все кодексы разделены (естественно, условно и не всегда точно) на 3 класса и 8 подклассов в зависимости от степени подробности и точности реферирования. Методы работы Фотия над каждой из выделенных групп были различны. В одних случаях Фотий диктовал по памяти, в других — держал в руках рукописи, в третьих — препоручал работу секретарю и т. д. Классификация кодексов дает возможность сделать несколько интересных и смелых предположений. В «Классе II», например (кодексы, которые Фотий составлял, обращаясь к рукописям или к собственным заметкам), отреферированы книги, находившиеся в «личной библиотеке» автора, насчитывавшей около 150 томов! Любопытная деталь, позволяющая судить не только о размерах библиотеки, но и о составе отдельных книг: Фотий несколько раз повторно по забывчивости реферирует одни и те же сочинения, причем в двух случаях порядок их следования оказывается одинаков (43, 44=240, 241; 213, 214=250, 251). Естественно предположить, что в экземплярах рукописей, находившихся в распоряжении Фотия, эти произведения следовали одно за другим (с. 94, примеч. 58).

Лишь последняя, седьмая глава рецензируемой книги («Литературные интересы Фотия») касается не истории создания «Библиотеки» и не методов работы Фотия, а непосредственно содержания произведения и личности ее автора. Фотий, говоря современным языком, — страстный библиофил. В свои юные годы он отдавал предпочтение книгам светского содержания, при этом более всего ценил исторические сочинения, написанные ясным, легко доступным языком. Особенно занимают Фотия всевозможные экзотические сюжеты, впрочем, круг его ученых занятий достаточно широк. Что же касается религии, то в отличие от многих своих современников интерес к ней носит у Фотия «интеллектуальный и духовный характер» (с. 104).

Краткий и схематичный пересказ может дать лишь приблизительное представление о содержании небольшой, но весьма насыщенной материалом и с деловой лапидарностью написанной книги. Остроумные наблюдения перемежаются в ней с рискованными предположениями, и вся книга — повторим еще раз — развитие концепции, подчиняющей себе все частные исследования и рассуждения. Весьма заманчива, конечно, попытка представить Фотия не «странницей византийской истории литературы», а реальным молодым образованным византийцем, спешащим перед отъездом в дальнюю дорогу выполнить просьбу любимого брата и, несмотря на предостерегающую суматоху, диктующим секретарю заметки о прочитанных книгах. Однако в попытках такого рода заключена большая опасность, ибо бесконечно число возможных и нередко пара-

доксальных жизненных ситуаций, достоверно реконструировать которые при минимуме прямых свидетельств практически очень трудно. Здравый смысл и житейская логика, к которым постоянно апеллирует У. Тредголд, могут дать возможность для разных и взаимоисключающих толкований. Здравый смысл как будто действительно велит объяснить многие особенности «Библиотеки» чрезвычайной спешкой автора, но тот же здравый смысл заставляет задуматься, как сумел Фотий за срок немногим более месяца (ведь секретарь нашелся не сразу!) создать столь огромное по объему произведение. Вероятно, писец и мог заполнить текстом 400—500 листов рукописи, а вот мог ли сам Фотий продиктовать или, во всяком случае, подготовить для него материалы? Ведь у Фотия, вероятно, были и другие дела перед отправкой в долгое и небезопасное путешествие.

К. Манго в недавней статье⁴, оспаривая авторство Феофана, утверждал, что этот историк не мог успеть написать «хронографию» за три года, а ведь текст «Хронографии» в два с лишним раза короче Фотиевой «Библиотеки». С мнением К. Манго трудно согласиться. Но какая разница в оценке «скоростных возможностей» византийских писателей! Не станем, однако, настаивать на этих возражениях. Их цель — лишь показать относительность всяких рассуждений, основанных на «здравом смысле» и «житейской логике». Не исключено, что в основной своей концепции У. Тредголд и прав (решающее доказательство могли бы принести прямые свидетельства, надеяться на которые трудно), но у «Библиотеки» есть еще и иная «природа» (Nature),

⁴ Mango C. Who wrote the Chronicle of Theophanes? — ЗРВИ, 1978, XVIII.

тесно связанная с той, о которой пишет автор монографии, но никак к ней не сводимая. Речь идет о «природе» «Библиотеки» как произведения средневековой византийской словесности. Сам У. Тредголд нигде не говорит о своеобразии этого сочинения как выражении медиевального стиля, а Фотий для него вполне «современный» человек с вполне «современными» заботами и образом мышления.

Между тем проблема «природы» «Библиотеки» в том виде, как понимает ее автор книги, кроме всего прочего, — проблема эпистографического жанра в Византии, вопрос о том, в какой степени византийское письмо было частным, а в какой — литературным документом, где проходит в Византии грань между тем и другим. Вероятно, было бы полезным в этом отношении сопоставить «Библиотеку» с другими учеными сочинениями, обращенными к определенному адресату и нередко имеющими форму письма (например, Константина Багрянородного, Пселла). Рассматривая эту тему с еще более широких позиций, можно утверждать, что проблема «природы» «Библиотеки» связана с проблемой литературной фикции, художественного вымысла в Византии.

Впрочем, мы уже касаемся задач, которые сам автор себе ни в коей мере не ставил. А прием этот запрещен для рецензента.

Концепция У. Тредголда покажется правдоподобной одним исследователям, возможно, вызовет недоверие у других, но независимо от степени убедительности главной идеи в книге содержится богатый материал, множество наблюдений, которые делают ее весьма важным этапом в исследовании столь значительной фигуры византийской литературы, как патриарх Фотий.

Я. Н. Любарский

A. Effenberger. Koptische Kunst. Ägypten in spätantiker, byzantinischer und frühislamischer Zeit. Leipzig, 1975. 287 S., 126 Abb. + 4 Taf.

Лейпцигское издательство «Koehler und Amelang» выпустило в свет книгу директора раннехристианского и византийского собраний Государственных музеев Берлина доктора Арне Эфенбергера «Коптское искусство. Египет в позднеантичное, византийское и раннемусульманское время».

Поднятый автором историко-культурный материал очень сложен и многопланов, но, несмотря на это, книга отличается логичностью и стройностью изложения. Она состоит из трех разных по объему и характеру глав.

В первой главе (с. 11—26) автор объясняет понятия «копты», «коптский», затрагивает методологические проблемы, связанные с исследованием коптского искусства, прослеживает основные вехи в его изучении, оценивая труды представителей старого поколения (А. Гайе, Й. Стржиговский и др.) и современных авторов (М. Крамер, П. дю Бурге, Дж. Беквит, К. Вессель и др.), и в конце

формулирует нынешнее понимание феномена «коптское искусство».

Вторая глава (с. 39—90) посвящена историческим и религиозным основам искусства христиан страны Нила. В сжатой форме автор обрисовывает политическую, социальную, религиозную и культурную жизнь Египта первого тысячелетия нашей эры, характеризует взаимоотношения египтян с римлянами, византийцами, своими непосредственными соседями на юге и востоке, и, наконец, с арабами, подчинившими Египет в середине VII в., рисует картину возникновения коптской церкви и института монашества, подчеркивая их огромную роль в церковной жизни христианского Востока (особенно в первые века н. э.) и неистребимый антагонизм с православием.

Сложная историческая обстановка в стране и религиозно-культурные факторы определили своеобразный характер коптского искусства, которому посвящена